

ДВЕ СУДЬБЫ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СТРАХОВА

Л.О. Зайонц

Биографии Н.И. Страхова не существует. Происхождение, образование, дружеские связи, семейное положение, даты жизни и смерти доподлинно неизвестны. В 1811 году, когда он издал свою последнюю книжку, ему было «с лишком сорок лет», о которых он обмолвился, как о глубокой старости.¹ В памяти современников имя Н.И. Страхова не задержалось.

Так же, словно ниоткуда, появляется он в середине 1780-х гг. в околовиковском кругу, в короткий срок приобретает известность, на пике которой оставляет литературное поприще, определяется на службу и почти на двадцать лет замолкает. Две маленькие книги очерков, выпущенные им уже в новом веке, трудно назвать попыткой вернуться в литературу — это скорее попытка вернуться к самому себе, собрать скромные остатки того капитала, который некогда составлял его литературный дар, и предложить его публике в качестве то ли исповеди, то ли завещания. Эти книги ничем не напоминали зоркого и остроумного хроникера модного века, каким знали Страхова читатели 1790-х гг., они выдавали в авторе человека рано состарившегося, несчастного и одинокого. Критика в лице «Санкт-Петербургского вестника» отреагировала адекватно.²

За эти «с лишком сорок лет» Страхов прожил две короткие жизни, принадлежавшие, казалось бы, двум совершенно разным людям. Пожалуй, это и есть главный нерв его биографии. Отсюда и то ощущение дискомфорта, которое сквозит в посвященных Страхову немногочисленных статьях и не позволяет историкам выстроить его биографию в традиционном смысле: перед нами «фантомная» биография, где на месте факта скорее можно обнаружить его эмоциональный след. Такие «отпечатки», однако, таят в себе информацию не менее ценную — они открывают возможность реконструировать если не жизненный путь, то гипотетическую линию жизни, какой она видится сквозь призму того, что Страхов действительно после себя оставил — его сочинений.³

Русский Карлайл.

В 1810 г., когда писалась книга «Рассматриватель жизни и нравов», Страхову должно было быть года 42-43. Родиться он мог соответственно в 1767 или 1768 гг. На это косвенно указывают и другие факты. В «Списке состоящим в гражданской службе чинам на 1801 г.» имеется запись о том, что Николай Иванович Страхов состоит в службе с 1788 г.⁴, что вполне реально, если считать, что к этому времени ему уже исполнилось 20 лет. В какую службу был определен молодой Страхов, пока установить не удалось, да и вряд ли

¹ Страхов Н. Рассматриватель жизни и нравов. СПб., 1811. Ч. II. С. 47.

² См.: Санкт-Петербургский вестник, 1810, № 8; 1812, № 1.

³ Среди посвященных Н.И. Страхову преимущественно описательных работ, выделяется исследование А.В. Западова «Николай Страхов и его сатирические издания» (Проблемы реализма в русской литературе XVIII в. М.-Л., 1940). В нем впервые была предпринята попытка выстроить биографическую канву, отталкиваясь от послужного списка Страхова, который частично был реконструирован А.В. Заповым по материалам Ленинградского отделения Центрального исторического архива (фонд Гос. совета гражданских и духовных дел, 1810, № 20).

⁴ Список состоящим в гражданской службе чинам второго, третьего, четвертого, пятого шестого и седьмого классов на 1801 г. Ч. 2. СПб., 1801. С. 295.

он служил в эти годы, полностью посвященные литературной и журнальной деятельности.

Его дебютом стал перевод «Векфильдского священника», изданный у Новикова в 1786 г., что свидетельствовало о неплохом литературном вкусе молодого переводчика, остановившего свой выбор на лучшем творении О. Голдсмита. О сотрудничестве Страхова с Университетской типографией и его интересе к проблематике и стилю новиковских изданий упоминалось в исследовательской литературе не раз. Происхождение этих связей, однако, оставалось без ответа, тогда как ключом вполне мог послужить упомянутый литературный дебют. Свой перевод Страхов посвятил «любезному другу Василию Васильевичу Новикову»⁵, имя которого, равно как и Николая Страхова, удалось обнаружить в списках учеников гимназии при Императорском Московском университете, в 1781 г. награжденных за прилежание и успехи, а в 1782 г. произведенных в студенты (впрочем, на экзамен, как следует из списка, Страхов не явился).⁶ При университете было две гимназии: одна для дворян, другая для разночинцев. Новиков, как дворянин по происхождению, был зачислен в первую, Страхов, проходивший по списку «своекоштных разночинцев», во вторую, что, однако, не могло стать препятствием к общению, поскольку «относительно помещения, содержания и надзора» дворяне и недворяне, хоть и были отделены друг от друга, «но по учению они были в общих для обеих гимназий классах нераздельно».⁷ Имена Страхова и Новикова действительно мелькают в классах одних и тех же преподавателей, в основном, немецкой и французской словесности. Вполне вероятно, что они могли познакомиться и раньше, так как дома обоих находились недалеко друг от друга, где-то в районе между Лубянской и Сухаревой башней. Лето друзья проводили в Преображенском или в подмосковном селе *Вежки*, в тридцати верстах от Преображенской заставы, — «сельбище, наимприятнейшем из всех земных пригорков <...> рае дружества и природы»⁸ (сейчас пос. Вешки Мытищенского р-на Московской области, до сих пор сохранивший все описанные Страховым приметы: расположенное на пригорке селение, под ним большой пруд и чуть дальше речка). Несмотря на то, что после окончания гимназии видеться им приходилось уже не так часто, В.В. Новиков остался для Страхова тем единственным близким другом, привязанность к которому он сохранил до конца дней.⁹

Воспоминания Страхова о родительском доме воссоздают обстановку небогатой чиновничьей семьи, где он рос, судя по всему, окруженный уютом и душевным теплом: «там под старую крышею щастливо текли мои дни. Как будто теперь вижу горницу с малиновыми обоями, вижу печку, изразцы котороря составляли для меня всемирную историю, а написанные на них мужички и мальчики были моими героями и друзьями».¹⁰ С невероятной нежностью вспоминает Страхов сестру, умершую, когда ему исполнилось 15

⁵ Переводчик и публицист (1768 – до 1810), однофамилец Н.И. Новикова.

⁶ См.: «Московские ведомости», 1781, № 79, 2 окт. Приб.; 1782, № 98, 7 дек. Приб.

⁷ Сушков Н.В. Московский Университетский благородный Пансион и воспитанники Московского Университета, гимназий его, Университетского Благородного пансиона и Дружеского общества. М., 1858. С. 5.

⁸ Страхов Н. Мои Петербургские сумерки. Ч. II. СПб., 1810. С. 11-12 и 109-110.

⁹ В 1780-е гг. В.В. Новиков жил преимущественно в своем поместье в Козельском уезде, под Калугой, занимаясь сельским хозяйством. В 1788-1790 гг. принимал участие в походе против шведов, вернулся и в начале 1790-х гг. издал собрание очерков «Театр судоведения, или Чтение для судей и всех любителей юриспруденции» (1790-1792. Ч. 1–6). Большая их часть была переведена из «Собрания знаменитых и интересных процессов» Ф. Гайо де Питавалья, но два были написаны самим Новиковым по материалам уголовных дел, разбиравшихся в Калужской губ. Он стал автором первого в России печатного выступления за осуществление гласности судопроизводства, при которой бы, по мысли Новикова, «корыстолюбивые судии не имели надежды скрывать в непроницаемых стенах судилищ гнусные свои поступки» (Ч. I. С. 10). В «Рассматривателе жизни и нравов» Страхов с восхищением называет его «нашим русским Говардом» (Ч. III. С. 42). О литературной деятельности В.В. Новикова см.: Западов А. В. В. В. Новиков и его «Театр судоведения» // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 47. Сер. филол. наук. Вып. 4.

¹⁰ Страхов Н. Там же. С. 10-11.

или 16 лет, и в особенности отца, которого горячо любил. Своей внутренней свободой, ироническим складом, острым и свежим взглядом на мир — всем тем, что вскоре будет отличать его сочинения — Страхов, надо полагать, в большой степени был обязан семейному воспитанию и царившей в семье атмосфере.

Как бы нам ни хотелось, чтобы произведенный в 1782 г. в студенты Николай Страхов в положенный срок, т.е. к середине 80-х гг., окончил Московский университет, мы не смогли найти этому документального подтверждения: в списках студентов его имя не значится. Впрочем, согласно статистике, лишь немногие из поступавших в гимназию переходили в университет и кончали полный курс. Но факт остается фактом: к 1786 г. Николай Страхов уже сложившийся переводчик, активно издающийся у Новикова: вслед за «Векфильдским священником», в 1787 г., выходит его перевод «Араса и Исмении» Монтескье, в 1788 — «Дух изящнейших мнений» (сборник цитат и афоризмов, главным образом, из Ларошфуко), также, по мнению А.В. Западова, принадлежащий перу Страхова.¹¹ По всему видно в эти годы, что жизнь двадцатилетнего переводчика складывается удачно, он принят, но чувствует себя при этом достаточно свободно как внутри литературного цеха, так и в выборе собственного пути.

В 1940-е гг., когда филологическая наука открыла русское Просвещение во главе с Н.И. Новиковым, эта автономность Страхова была замечена и симпатии не вызвала. Сравнивая сочинения Страхова с образцами демократической сатиры конца XVIII в., советские исследователи вынуждены были констатировать ослабленный публицистический пафос его произведений, проблематика которых определенно не дотягивала до тех высоких задач, которые были поставлены в эти годы перед литературным сообществом. По утвердившемуся в советском литературоведении мнению, книги Страхова, хоть и имели широкий успех, «но не были предназначены для того, чтобы сплачивать оппозиционно настроенную просветительскую часть русских писателей того времени».¹²

Тот вектор, который избрал для себя Н. Страхов в рамках нравоописательной традиции XVIII в., открывал путь к несколько иному, далекому от новиковского, методу анализа новой русской действительности — *знаковому*, как мы бы теперь его определили. В начале 1790-х гг. он выпускает три сразу ставших популярными издания: авторский журнал «Сатирический вестник» (9 ч., 1790-1792), «Карманную книжку для приезжающих на зиму в Москву ... щёголей-вертопрахов, волокит, игроков и проч.» (3 ч., 1791) и «Переписку Моды, содержащую письма безруких Мод, размышления неодоушевленных нарядов, разговоры бессловесных чепцов, чувствования мебели, карет, записных книжек» и т.д. (1791). Эти издания Страхов отрекомендовал как «нравственные и критические сочинения», в коих «с истинной стороны открыты нравы, образ жизни и разные смешные и важные сцены модного века». Однако по своей структуре, подбору и организации материала они несколько выпадали из подобного рода массовой продукции — это был новейший свод всех «модных причуд», подробный путеводитель по современной светской культуре. Если вдуматься, то для вчерашнего едва оперившегося переводчика — настоящий прорыв. Это означает, что конец 1780-х гг. двадцатилетний юноша посвятил работе над собственным литературным проектом, суть которого состояла в том, чтобы воплотить причуды Госпожи Моды в ее «эмблемах», т.е. препарировать ее, разъяв на элементы, и представить их в роли «говорящих знаков» Модного века.¹³

¹¹ Составитель и переводчик сборника укрылся за инициалами Н.С., которые Западов склонен приписывать Н. Страхову по двум соображениям: во-первых, исходя из характера выбранного материала, отвечающего образу мыслей и стилю будущих сочинений Страхова; во-вторых, по причине невозможности приписать такие инициалы кому-либо другому, так как из всех авторов, работавших в эти годы для Новикова, они подходят лишь Страхову. (См.: Западов А.В. Николай Страхов и его сатирические издания... С. 298).

¹² Стенник Ю. В. Русская сатира XVIII в. Л., 1985. С. 278.

¹³ См.: Зайонц Л.О. «Хворания по моде» Николая Страхова, или Об одном неосуществленном замысле Ю.М. Лотмана // Антропология культуры. М. 2004.

Сама эта идея, пришедшая в голову, напомним, рядовому новиковскому стажеру, слегка обескураживает своей семиотической прозорливостью, соединяющей прагматику и поэзию, и тем, что французы назвали бы *bell esprit*. Остроумие заключалось во взгляде на мир культуры как на конструктор-трансформер — затягивающую опасную игру, транслирующую в жизнь идею искусственности, дробности, механичности и бездушия, что, конечно, должно было читаться как антитеза неделимому, естественному и уникальному в своих проявлениях миру природы.

В идейном смысле проект вполне можно было бы назвать «переодетым» манифестом русского руссоизма — истиной, как сказал бы Страхов, «явившейся в свет в платье навыворот». И здесь он не мог не найти понимания у современного читателя, так как апеллировал к более чем актуальному культурному контексту — идеологии Просвещения. Мощным поддерживающим фоном служили образцы европейской нравоописательной прозы: от переложений «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского («Кривonos-домосед, страдалец модной», 1789), романов Лесажа и маркиза д'Аржана («Почта духов», 1789)¹⁴ до популярных массовых изданий типа «Любовного лексикона» (пер. с фр., 1768), «Картины глупостей нынешнего века» (пер. с фр., 1782), «Галантерейной лавки» (пер. с англ., 1799) и др. Оригинальность Страхова заключалась в методе, с помощью которого он, как всякий уважающий себя сатирик, рассчитывал вернуть мир к истинным ценностям. Для этого, по мысли писателя, необходимо было пропустить нравы современного общества сквозь специальный фильтр, отделяющий истинное от ложного, живое от искусственного, иными словами — Природу от Культуры. В качестве такого инструмента Страхов использует классический литературный прием — синекдоху, прилагая ее ко всему, что, с его точки зрения, оказывается во власти богини Моды. И тогда созданный ею мир оборачивается в его текстах фантазмагорией оживших элементов модного быта и частей человеческого тела — миром симулякров:

«По вторникам, четвергам и воскресеньям съезжаются здесь в один дом галантерейные вещи, бриллианты, платья, наряды, шляпки, тупеи, ноги, руки и лица. По средам и пятницам свозят в некоторое место все свои уши и рты <...> В понедельник и в субботу или закупают в руках достоинства, или с готовыми, севши на четыре колеса, приезжают в четыре каменные или деревянные стены, напичканные языками, ушами и глазами».¹⁵

Интуитивно Страхов делает ставку на ресурсы эмблематического мышления эпохи, незаметно переманивая читателя из привычной конвенциональной стихии в иконическую. Так Мода превращается в Текст, сложенный из предметов-знаков, на которые цивилизация раздробила человеческую личность и которыми ее заменила.¹⁶

Для поэтики XVIII в., и нравоописательной традиции в том числе, подобный крен в сторону *знаковости* материальной, вещной, оболочки жизни не заключал в себе ничего неожиданного, достаточно перелистать упомянутые выше литературные источники. Вот два, практически наугад, фрагмента из комедии «Галантерейная лавка» (1799):

<посетительница к Хозяину> – «Мне кажется, что ты священник нового рода: лавка твоя у тебя *Библия*, а всякая вещь продающаяся в ней *текст*, посредством которого ты изъясняешь недостатки и слабости людей в прекрасной проповеди, исполненной иносказаний»;

<Хозяин в ответ на просьбу подобрать маску> – «Сказать правду, у меня в лавке нет никакой. Люди нынешнего века в искусстве украшаться личинами достигли до такого совершенства, что уже совсем не имеют нужды в новых лукавствах. В наш век под видом притворного целомудрия сыщешь порочность. Притеснение носит на себе титло правосудия <...> Дурак принимает на себя вид важности, а подлеиший лицемер показывает себя

¹⁴ Разумовская М.В. «Почта духов» И.А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // Рус. лит. М., 1978. № 1.

¹⁵ Страхов Н. Переписка Моды. М., 1791. С. 10.

¹⁶ См. подр.: Зайонц Л.О. Указ соч. С. 182-183.

чистосердечнейшим человеком <...> Вообще сказать, Сударыня, свет сей есть сущий маскарад, в котором нельзя рассмотреть истинных черт ничьего лица».¹⁷

Страхова отличало одно — яркая авторская концепция проекта и свежий взгляд на предмет, благодаря чему тексты звучали необыкновенно современно и остро, а унаследованный от новиковцев социальный пафос, пусть и не программного характера, выдавал в нем человека просвещенного и свободомыслящего. В 1795 г. «Сатирический вестник» и «Карманная книжка» вышли вторым изданием. Все это открывало перед молодым литератором самые благоприятные перспективы.

Не исключено, что развитие его как писателя в этом направлении в дальнейшем могло дать русской литературе один из первых опытов культурологической публицистики, сосредоточившей свое внимание, кроме всего прочего, на семиотике одежды, тем более что спустя сорок лет такого рода сочинение появилось в английской литературе. Это был нашумевший антибуржуазный роман-памфлет Томаса Карлайла «Sartor Resartus, жизнь и замечания проф. фон Тейфельсдрека из Вейснихтво» (1831; дословно — «перекроенный портной» и «проф. Чертоводерьмо из Нивестьгде»), продолжавший традиции английской нравоописательной сатиры XVIII в. Роман был направлен против «корпорации денди», иронический портрет которой создавал автор, и целиком посвящен проблеме «философии одежды», а по существу философской проблеме соотношения внешнего и внутреннего, видимого и сущностного. «Как могло произойти, — пишет Карлайл, — что великая Ткань из Тканей, единственно истинная Ткань, была совершенно просмотрена Наукой, именно: одевающая Ткань шерстяной или иной одежды, та, которую Душа Человека носит, как свою крайнюю оболочку!...».¹⁸ Эта *Ткань* и становится предметом его скрупулезного анализа — по сути, такого же, какому Страхов подвергает в своих книгах вещную оболочку «корпорации щеголей» Модного века.

Продолжить свой путь и войти в историю литературы под именем «русского Карлайла» Николаю Страхову, однако, было не суждено.

Калмыцкий пристав.

Арест Н.И. Новикова и прекращение деятельности типографических компаний для многих писателей конца XVIII в. стало поворотным моментом в судьбе. В случае Страхова это был разворот на 180 градусов. Финансовых возможностей продолжать литературную карьеру у Страхова не было, и он был вынужден определиться на службу. С этого момента в его жизни начинается новый отсчет.

По тому, как складывается его судьба, можно предположить, что карьеру чиновника энергичный молодой человек не воспринимает как тяжкое бремя, скорее, с готовностью принимает новые условия игры. Он покидает родительский дом,¹⁹ и уже в 1796 г. мы обнаруживаем его в чине титулярного советника при экспедиции о государственных доходах в Петербурге. О его жизни в этот период ничего не известно, и, тем не менее, складывается ощущение, что молодой чиновник слишком успел себя проявить. В Страхове был характер — то, что всегда можно уловить при внимательном чтении, и что, как историк, не смог в свое время не отметить А.В. Западов: «Литературная деятельность рисует нам Страхова человеком честным, смелым и резким».²⁰ Мы бы, пожалуй, сказали: пронизательным, ироничным и импульсивным. В

¹⁷ [Додслей Рихард]. Галантерейная лавка. Комедия. Пер. с англ. Александра Красовского. М., 1799. С. 24-25, 43-44.

¹⁸ Томас Карлейл [Карлайл]. Sartor Resartus, жизнь и мысли ГеррТейфельсдрека. В трех книгах. 1831. (Пер. с англ. Н. Горбова). М., 1902. Кн. 1. С. 2.

¹⁹ В 1810 г. Страхов пишет, что расстался со своими родителями «лет около двадцати» назад (*Страхов Н.* Рассматриватель жизни и нравов. Ч. III. СПб., 1811. С. 76).

²⁰ Западов А.В. Указ соч. С. 303.

многообещающем молодом человеке, надо полагать, приняли участие — и с повышением отправили подальше от столицы: в 1797 г. он получает чин коллежского асессора при Мануфактур-коллегии и должность директора Ахтубинского шелкового завода, с чем и отбывает в Астраханскую губернию восстанавливать местное шелкопрядильное производство. Назначение идет в обход старшего по чину коллежского советника Рычкова, рекомендованного на эту должность Именным указом 27 февраля 1797 г. Однако «по признанным способностям и знаниям» кандидатура Страхова оказывается предпочтительнее.²¹ Вряд ли имелись в виду приобретенные за несколько месяцев службы в Мануфактур-коллегии опыт и навыки управления текстильным производством. Скорее, здесь угадывается след ловкой протекции, предлагающей по достоинству оценить и должным образом использовать редкую осведомленность г-на Страхова в области мануфактуры и прочих текстильных товаров, выказанную им в его сочинениях.

Однако сам Николай Страхов, молодой, не обремененный семейными узами и явно закисавший на службе, воспринял назначение как приключение и с энтузиазмом бросился осваивать новое культурное пространство, на этот раз — «естественную жизнь» астраханской степи.

Чем бы ни руководствовалась коллегия, рекомендуя Страхова на эту должность, в выигрыше, в результате, остались обе стороны: Страхову удалось не только не развалить производство, но завоевать уважение и авторитет у калмыцких властей и местного населения Ахтубы. Все, что было свойственно ему как бытописателю, здесь нашло свое применение: любопытство, наблюдательность, терпимость, умение видеть и понимать специфику (теперь национальную), живой интерес к чужой культуре — все это позволило ему быстро адаптироваться и не заскучать на своей экзотической должности.²²

Отработав три года, он вернулся в Петербург уже в чине коллежского советника. Но вскоре ему пришлось возвращаться обратно. По просьбе калмыцкого наместника Чучея Гундутова, аттестовавшего Н. Страхова как чиновника, сумевшего «приобрести доверенность» калмыков, а также «достаточное о пользах и нравах их познания», в 1802 г. он был назначен «Главным приставом при всем калмыцком народе».²³

На этот раз он едет в Астрахань «с чрезвычайно широкими полномочиями. По сути дела, — комментирует А.В. Западов, получая возможность «подтянуть» Страхова к его высокому литературному окружению, — ему вверялись судьбы всего калмыцкого народа <...> Недавний борец на страницах журнала против притеснения крестьян, против взяточников, кривосудов, бездушных чиновников получал возможность практически провести эту борьбу в жизни».²⁴ Думается, в столь радикальные планы вчерашнего писателя-сатирика Западов все же не верил. К тому же, как он вынужден был констатировать в итоге, «существующие печатные источники по истории калмыков не дают сведений о деятельности Страхова».²⁵ О деятельности Страхова — нет, но о тех условиях, работать в которых предстояло новому Главному приставу — вполне.

Изменились времена: Павел I восстановил упраздненный Потемкиным главный орган местной судебной власти, суд Зарго (с 1800 г. под председательством наместника Чучея и Главного пристава с российской стороны), и особой грамотой определил земельные права калмыков, по которой им отдавались во владение все те земли от Царицына по рекам Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью, на которых они прежде кочевали. (Впоследствии эта грамота была подтверждена Александром I и Николаем I, хотя реальная действительность уже расходилась с содержанием грамоты Павла I). Чучей

²¹ Там же. С. 300.

²² Не теряем надежды ознакомиться с материалами доклада А. А. Костина «Литератор Николай Иванович Страхов – директор Ахтубинского шелкового завода (1797 - 1800)», который был прочитан в ИРЛИ на заседании сектора по изучению русской литературы XVIII в. 29 марта 2007 г.

²³ Полн. свод зак. Росс. имп. XXVI. 1830. С. 809.

²⁴ Западов А.В. Указ. соч. С. 301.

²⁵ Там же. С. 302.

Тундутов, в 1800 г. едва вступив в должность, начал кампанию за приведение российских уложений о калмыках «в согласность» с древним калмыцким уставом.²⁶ От личности Главного пристава здесь могло зависеть очень многое, почему он и обратился с просьбой о назначении на этот пост Н. Страхова. Собственно это и имел в виду А.В. Западов, намекая на открывающиеся перед Страховым возможности административного ресурса. Одна беда: вкуса к административной деятельности у новоиспеченного Главного пристава, судя по всему, не было. В его лице наместник Чучей приобрел проникшегося нуждами калмыков европейски образованного непрехотливого чиновника, а по сути — типичного московского гуманитария, энтузиаста-просветителя, со свойственными ему прожектерством и непрактичностью. Если Страхов и видел себя кем-то на вверенной ему должности, то скорее миссионером, чем судебным исполнителем. Д.Б. Мертваго, побывавший в Калмыцкой орде спустя несколько месяцев после назначения Страхова, оставил исключительно интересное свидетельство о встрече с ним:

1802 года 29 августа был я в Калмыцкой орде. Главный пристав, коллежский советник Николай Иванович Страхов показался мне человеком умным, с просвещением, часа в четыре хлопотливого времени много наказывал, какие полезные намерения имеет, что учиться по калмыцки, желая сочинить историю о Калмыках, что нашел уже он достоверные следы к показанию происхождения их от Индийцев, причины, для коих и когда пришли они в сии степи, Между Каспийскаго и Чернаго морей простирающиеся, вверх по рекам Волги и Дону; о законе их, о суевериях, о науках, художествах, о обычаях и прочем; что намерен, войдя более в доверенность сего простодушнаго и по натуральной склонности добраго народа, вводить к ним истинную науку медицины и тем, сберегая многих от преждевременной смерти, искоренять суеверие, духовными их (кои суть и лекари) распространяемое; хочет начать прививание коровьей оспы, назвав ее предохранительным лекарством, для чего и приучил уже к себе одну сироту, малолетнюю Калмычку, которая находится безотлучно при жене его. (Ее зовут Варвара Даниловна; кажется не была ли она актрисою Столыпина). Над нею скоро будет сделан опыт через Сарептскаго доктора.²⁷

А.В. Западов, также обращающийся к этому источнику, видит в нем бесспорное свидетельство «прогрессивности» Страхова, по понятным причинам не углубляясь в его анализ.

Первое, что обращает на себя внимание, — точно переданное Д.Б. Мертваго возбуждение, которое испытывает Страхов от этой встречи. Приезд в Орду умного, образованного человека для Страхова — событие. Однако приятное впечатление, поначалу произведенное им, легко могло утонуть в четырехчасовом «хлопотливом» монологе, жертвой которого становится Мертваго. Содержание монолога передано с такими подробностями и в такой форме, что невольно, вслед за автором, начинаешь ощущать, как «заносит» молодого пристава. Действительно, большая часть из того, о чем Страхов так увлеченно рассказывает своему гостю, лишь заявление о намерениях, далеких от реальности. Кроме, пожалуй, одного: обещанную «историю о Калмыках» под названием «Нынешнее состояние калмыцкого народа» Страхов все-таки написал (брошюра вышла в Санкт-Петербурге в 1810 г.). Благодаря ей мы сегодня можем убедиться в достоверности рассказа Мертваго, так как в содержании разговора угадывается материал будущей книги Страхова: от экскурса в историю, географию и быт калмыков до описания их современного «нецивилизованного» состояния, требующего незамедлительного юридического вмешательства.²⁸ Мертваго оставил нам, таким

²⁶ См.: *Пальмов Н.* Общие сведения по истории, быту, экономике, материальной культуре и современному состоянию приволжских калмыков. Этнографический очерк, 1928. — http://www.bumbinorn.ru/2007/01/03/etnographi_aricle_kalmyks.

²⁷ *Мертваго Д.Б.* Дополнения к запискам // Русский архив. 1868. № 1-6. Ст. 128. Любопытно замечание о жене Страхова, о которой сам он ни разу не упоминает. Мертваго путает ее с Варенькой Столыпинской (В. Б. Новиковой), известной крепостной актрисой ставропольского и пензенского помещика А. Е. Столыпина, владевшего одной из лучших трупп в Ставропольском уезде. В 1806 г. труппа была продана за 32 тыс. руб. императорскому двору и положила начало московскому Малому театру.

²⁸ См.: *Страхов Н.И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа. (Изданием сочинителя). СПб., 1810.

образом, конспект литературного замысла, который вынашивал Страхов, и которым, вероятно, жаждал поделиться. Кроме того, как представляется, столь очевидная потребность выговориться соседствует здесь с желанием убедить самого себя в осмысленности своей новой жизни, на деле оказавшейся далекой от руссоистского идеала.

На Д.Б. Мертваго Калмыцкая Орда произвела гнетущее впечатление. Он увидел нищий, полуголодный, опустившийся народ, склонный к воровству и пьянству, обиравый владельцами-феодалами и духовенством, — то, о чем эмоционально и резко будет позже писать в своем очерке Страхов. Об этнографическом интересе речь уже не шла — Мертваго оценивал местную специфику умом и сердцем человека здравомыслящего и православного. По его «Запискам» хорошо видно, как первое, вполне приятное, впечатление, произведенное на него и Страховым, и заместителем Чучеем — «человеком добродушным и неглупым», — к концу ознакомительной поездки сменяется раздражением, переходящим в откровенное неприятие:

«Лама <...> почитается ученейшим и святым; человек толстый, хочет казаться Европейцем, беспрестанно поплеывает; что ни говорит — все вздор; <...> за лечение, ворожбу, жертвоприношения и прочие нелепости собирают много от суеверных Калмыков. <...> Духовные живут изобильно, все нарядны и, сказывают, часто напиваются до пьяна; жен не имеют, но, пользуясь доверенностью Калмыков, не доверяющих жен своих никому кроме духовных, кое-как довольствуются. <...> Калмыки слепо поработены суеверию, полагая в каждой скотине быть душе какого ни есть из родственников их, боясь резать для своего прокормления; <...> словом, если качество Калмыка счислять весом, то три пуда скотства, тридцать фунтов зверства и десять человечества найдется».²⁹

Учить, лечить, воспитывать, иными словами, цивилизовывать этих «пастухов, Российские стада стерегущих», затея, с точки зрения Мертваго, бессмысленная, и потому откровенно настораживающая. Как опытный администратор, известный своей нетерпимостью к мздоимству, он должен был расценить увиденное как результат царящего в крае властного и чиновничьего беспредела.³⁰ В бескорыстного миссионера на посту Главного пристава в этой ситуации верилось с трудом: «Г-н Страхов, — подводит Мертваго итог своим наблюдениям, — надуваясь деньгами, от глупости их [калмыков] получаемыми, хочет распыжить достоинства их, но, кажется лишь вздувается карман его, а они всегда останутся так как есть до ныне и как полезны они в общем составе общества».³¹

В 1803 г. покровительствующий Страхову Чучей Тундутов умер. После его смерти были ограничены и права главного пристава, всегда служившие камнем преткновения для астраханских администраторов и улусных чиновников. А уже в начале 1804 г., по донесению астраханского вице-губернатора и калмыцкого совета, Страхов был обвинен во взятках, отстранен от должности и предан уголовному суду. Поистине, «нам не дано предугадать...». Хотя, как знать, не дал ли Мертваго, в 1803 г. вернувшийся во властные структуры, ход своим заключениям.

Судебная тяжба по делу Страхова длилась, как было установлено А.В. Западовым, около шести лет. Против него и «его помощника Максимова были выдвинуты по доносу некоего Воронина очень серьезные обвинения в притеснении калмыков и вымогательстве. Страхов энергично опровергал обвинения и оправдывался. Веских доказательств у доносчика не было».³² В течение четырех лет дело вела Астраханская уголовная палата, потом оно перешло в Сенат, Сенат слушал его пять раз и затем передал

²⁹ Мертваго А.Б. Указ соч. Ст. 130, 131.

³⁰ «Неподкупная его честность была известна всем; но не всем, может быть было известно, до какой строгости и чистоты доводилась эта честность во всех его служебных отношениях». (Аксаков С.Т. Воспоминания о Мертваго // Русский вестник. 1857. № 3. С. 128).

³¹ Мертваго А.Б. Указ соч. Ст. 132. Столь резкой перемене в оценке Страхова А.В. Западов объяснений не находит, считая заключение Мертваго «неожиданным» и «немотивированным».

³² См.: Западов. А.В. Указ. соч. С. 302-303.

на рассмотрение Государственного совета. «Процесс, — пишет А.В. Западов, — велся с явным пристрастием <...> 17 февраля 1810 г. состоялось определение за подписью государственного секретаря М. Сперанского, согласно которому Страхов и его чиновники, в виду запутанности дела не избалованные во взятках, все-таки были оставлены в подозрении».³³ Тогда совершенно непонятно, что может означать не учтенная А.В. Западным запись в «Списке состоящим в гражданской службе чинам» на 1807 г. о назначении 13 октября 1807 г. Николая Страхова Главным приставом при Кабардинцах, Трухменцах, Нагайцах и других Азиатских народах?³⁴ (Факт на грани гротеска). Никаких следов этого назначения ни в документах, ни в изданиях Страхова 1810-1811 гг. обнаружить не удалось. После 1807 г. его имя в «Списке» больше не появляется. Где был и что делал Страхов, находясь под следствием, пока остается невыясненным.

На поверхность выходит иное: в 1809 г. он вернулся в Петербург уже совсем другим человеком. Шесть лет, разделившие романтика-пристава и автора книги «Мои Петербургские сумерки», сделали больше, чем все предыдущие годы его жизни. Тяжба опустошила Страхова. Две последние книги, изданные собственным иждивением, красноречивое тому свидетельство.³⁵ На обеих лежит отпечаток угасающей жизни — самоощущения, переданного в названии одной из них. «Г-н Сочинитель, — писала критика, — смотрит на все с дурной стороны, все порочит, всех бранит».³⁶ Эта оценка отражала не столько реальное содержание книг, сколько передавала общее впечатление: автор их казался стариком и неудачником. Судьба сыграла со Страховым злую шутку: порвав с литературой однажды, он словно лишился права вернуться в нее, навсегда оставшись автором «Сатирического Вестника», «Переписки Моды» и «Карманной книжки», как он, собственно, и отрекомендовал себя публике на титульном листе «Петербургских сумерек». На полтора десятилетия он разминулся со своим читателем, критика же не распознала в привычной для Страхова риторике «состарившуюся» нравоописательную сатиру новиковской закалки.

Но было нечто, что и читатели, и критики, а вслед за ними и историки, проглядели: контуры опередившего время литературного открытия — призрачного образа *Невской улицы, энциклопедии в лицах и действии*, — вся слава которого спустя два десятилетия достанется Н.В. Гоголю.³⁷

Качество и содержание последних книг Страхова обуславливается, на наш взгляд, тем, что выполняли они не столько художественную, сколько психотерапевтическую задачу. Годы, проведенные под следствием, совпали для Страхова с чередой тяжелых личных утрат. К моменту возвращения в Петербург рядом с ним не осталось никого: семьи и детей он так и не нажил; друг его, Василий Васильевич Новиков, умер в своем поместье, не дожив до сорока³⁸; скончался отец, с уходом которого Страхов лишился последней душевной опоры³⁹; дом в Москве был продан. Судьба, разделившая его жизнь на две половины, и здесь закрывала дверь в спасительное прошлое, окружив болезненными фантомами: изменившим литературным даром, могилами близких, родительским домом, который она тоже включила в свой странный пасьянс. Это понял и Страхов, узнав по прошествию времени, что дом его «перешел в руки портного, от него достался служителям Мелпомены, а ныне, обращен в капище моды».⁴⁰ Московское

³³ Там же.

³⁴ Список состоящим в гражданской службе чинам... СПб., 1807. С. 20.

³⁵ По замыслу и композиции «Мои Петербургские сумерки» (1810) и «Рассматриватель жизни и нравов» (1811) напоминали книги Л.-С. Мерсье «Картины Парижа» и «Мой спальный колпак» и состояли из нравосозерцательных, сентиментальных и моралистических очерков, ничем особенно не примечательных.

³⁶ Санкт-Петербургский Вестник. 1812. № 1. С. 107.

³⁷ См.: *Зайонц Л.О.* «Невский проспект»: в направлении прототекста // Тыняновский сб. Десятые, Одиннадцатые и Двенадцатые Тыняновские чтения. М., 2006.

³⁸ *Страхов Н.И.* Мои петербургские сумерки. Ч. II. С. 42.

³⁹ Там же. С. 13-14.

⁴⁰ Там же. Ч. I. С. 11.

прошлое простилось с ним в *ego* стиле — насмешливо явившись в «платье навыворот». Круг замкнулся. Жизненный путь был пройден. С этих пор о Николае Ивановиче Страхове больше не слышали.